
DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7491

ПРЕОДОЛЕНИЕ БАРЬЕРОВ В ОБРАЗОВАНИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Д. Л. Константиновский¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Для цитирования: Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 125–133. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7491

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурный, экономический, территориальный и другие барьеры к получению образования и возможности их преодоления. В первой части статьи приводятся материалы исследований, выполненных на отечественных эмпирических данных с 1960-х гг. по настоящее время. Показано значительное воздействие барьеров на формирование образовательных и профессиональных карьер молодёжи. Отмечено, что преодоление барьеров становится возможным, если у семьи есть ресурсы для их преодоления; в противном случае дети вынуждены корректировать свои намерения, занижая запросы на образование. Во второй части статьи анализируется опыт малоресурсных, с неблагополучным контингентом школ, которые предпринимают немалые усилия, чтобы помочь учащимся преодолеть барьеры. Учителя и дирекция этих школ выстраивают стратегии, значительной частью которых являются педагогические меры, однако сложные социальные условия требуют ответа и в виде мер социального характера. Наиболее важным представляется формирование мотивации всех участников образовательного процесса. В результате деятельности школы улучшается академическая успеваемость, образовательные планы школьников растут, их представления об образовательной и профессиональной карьере, о возможностях социальной мобильности расширяются. Происходит изменение ориентаций, связанных с построением жизненного пути.

Рассмотрение приведённого в статье опыта социальной практики школ позволяет сделать вывод, что их активность проявляет себя как мощный ресурс, который школы предоставляют семьям, когда у тех нет возможностей для преодоления барьеров. Он способен повышать не только потенциал образовательной организации, но и жизненные шансы учащихся, помогая им не менее эффективно, чем способны это сделать другие виды ресурсов.

Ключевые слова: образование; молодёжь; барьеры; образовательная и профессиональная карьера.

Введение

Причины неравенства в сфере образования, столь сильно сказывающегося при формировании жизненных траекторий молодёжи, разнообразны. Они связаны как с факторами социокультурными, так и с политическими, экономическими и институциональными. Доступность того или иного вида образования анализируется путём использования метафоры, которая вводит понятие

барьеров. Барьер понимается как фактор или совокупность факторов, которые затрудняют получение того или иного образования, являются препятствиями к его достижению [Константиновский и др., 2006: 60]¹.

С той поры, когда были опубликованы результаты первых крупных исследований дифференциации в доступности образования [Coleman et al., 1966], одним из наиболее существенных считается социокультурный барьер. Неоднократно была подтверждена значимость социального и культурного капитала семьи: образования родителей, сферы их занятости, профессиональной позиции, статуса. Составляющие этого барьера делают его решающим не только для достижения высокой академической успеваемости или получения качественных знаний, но в целом для получения такого образования, которое открывает возможности восходящей социальной мобильности, воспроизводства статуса родителей или перспектив превзойти его.

В определённые периоды способна повышаться значимость экономического барьера. Его высота складывается из разнообразных платежей, которыми может быть обусловлено получение образования — как непосредственно связанных с учебным процессом, так и косвенно, но, тем не менее таких, которых нельзя избежать. Следует учитывать, что роль этого барьера связана с экономической ситуацией в тот или иной период. Выявляется в исследованиях также территориальный барьер. Его высота (и возможности преодоления) определяются типом, размером, уровнем урбанизации населённого пункта (от чего зависит развитость образовательной инфраструктуры) или же расстоянием до такого населённого пункта, где есть нужная инфраструктура, доступностью регулярного передвижения к нему либо необходимой миграции. Немаловажны также институциональный, информационный и другие барьеры. Преодоление барьеров становится возможным, если у семьи есть ресурсы — для дополнительного образования, для проезда к месту учёбы и т. п.; в противном случае препятствия оказываются непреодолимыми, и молодой человек вынужден соответствующим образом скорректировать свои намерения в отношении образовательной и профессиональной карьеры, понижая запрос на образование.

Барьеры фиксируются повсюду в мире, везде они оказываются препятствиями к получению качественного, эффективного образования. Исследования обстоятельств и деталей их проявления помогают в разработке мер по увеличению доступности образования. Эти меры, предпринимаемые для снижения высоты барьеров, оказываются более или менее эффективными. Поиск решений для эффективности социальной политики в этом направлении не прекращается.

Исследования неравенства

Сибирское исследование, начатое в 1962 г., на репрезентативных материалах продемонстрировало, что советское общество было отнюдь не свободно от неравенства в образовательной сфере. Оно наглядно показало роль барьеров и ре-

¹ Результаты исследовательского проекта «Проведение мониторингового исследования по оценке доступности качественного полного среднего образования», инициированного Национальным фондом подготовки кадров. Проект реализован в Институте социологии РАН в 2004–2006 гг.

зультаты их интегрального воздействия на формирование образовательных карьер молодёжи. Особенно ярко барьеры проявились при исследовании доступности образования для сельской молодёжи. На эмпирических данных было доказано, что вероятность поступить в вузы у выходцев из села значительно меньше, чем у выпускников городских школ. Преобладание горожан колебалось вокруг значения 1,75, а в некоторые годы едва не выросло до двукратного. С помощью математической модели был сделан прогноз, но и он не вселял оптимизма [Шубкин, 1970].

Впоследствии другие проекты подтвердили эти результаты и дали возможность шире увидеть проблему. Масштабное исследование, проведённое в 1973 г. в шести регионах страны, показало, что дети из семей, где оба родителя трудятся в сельском хозяйстве, составляли в восьмом классе школы 20,6%, но в старших классах, среди выпускников средней школы их доля уменьшалась до 16,1%, а среди студентов вузов их оказалось только 8,8%. Для всех других групп респондентов эти соотношения показали значительно более позитивную картину [Руткевич, Филиппов, 1978: 115, 117, 235].

Дальнейший анализ материалов сибирского исследования позволил получить и другие данные о влиянии барьеров на формирование траекторий выпускников школ. Было показано: чем ниже уровень урбанизации поселения, где подросток заканчивает школу, тем меньше вероятность, что он получит высшее образование. Это прослеживалось в каждый год наблюдений. Наибольшие шансы стать студентами вузов наблюдались у выпускников школ областного центра, реже это удавалось тем, кто оканчивал школы средних городов, ещё реже — малых городов и посёлков, а сельские выпускники оказывались аутсайдерами.

Показательно сопоставление жизненных стартов полярных по социальному положению групп. Сравнялось, в какие учебные заведения поступают после окончания средней школы дочери городских администраторов¹ и дочери крестьян. Дочери городских администраторов преимущественно занимали места в аудиториях вузов, чтобы через несколько лет стать специалистами высшей квалификации и получить наибольшие возможности для построения успешной жизненной траектории. А дочерям крестьян приходилось чаще довольствоваться учёбой в техникумах и профессиональных училищах либо отправляться сразу на рынок труда [Константиновский, 2008: 242–255].

Исследование, проведённое в первом десятилетии 2000-х гг. [Константиновский и др., 2006: 61–67], показало, что социокультурный барьер сохранил своё влияние. В «сильных» школах, где учащиеся демонстрируют наилучшие академические результаты, а затем чаще, чем выпускники других школ, поступают в вузы, до 80% родителей имели высшее образование, а в «слабых» школах — 28–29%. В «сильных» школах 11% отцов были руководителями и 12% — рабочими; а в «слабых» школах отцов-руководителей предприятий оказывалось 2%, рабочих — 57%. Матери учащихся в «сильных» школах чаще, чем в других, работали в науке,

¹ Под администраторами в исследовании подразумевались лица с высшим образованием, занимающие руководящие должности. Это, например, партийные руководители, директора предприятий, начальники цехов, главные врачи больниц и т. п.

образовании и здравоохранении (36%), что отличало их от матерей учащихся других школ. Экономический барьер проявил себя в данных о материальном положении семьи. Пункт «денег хватает только на самое необходимое» отметили в «сильных» школах 13%, в «слабых» — 30%. Эти данные свидетельствовали, дети из каких семей преимущественно получают качественное школьное образование, дающее возможности для восходящей социальной мобильности. Продемонстрировал свою значимость и территориальный барьер. В крупных городах — мегаполисах и областных (краевых, республиканских) центрах располагалось до 55% школ, которые могли быть отнесены к категории «сильных»; «слабые» школы обнаруживались преимущественно в сёлах, посёлках городского типа, райцентрах.

Последующие исследования позволили уяснить взаимосвязи, обуславливающие существование неравенства в образовании, уточнить зависимости и показать роль наиболее важных факторов во втором десятилетии.

Например, было установлено, что социокультурный барьер по-прежнему ярко проявляет себя: из выборки, которой располагали исследователи, в старшие классы школы переходили 87% детей, родители которых имели высшее образование, и лишь 47% детей родителей без высшего образования. Наблюдалась также значительная разница между частотой перехода в старшие классы учащихся из семей, различающихся уровнем дохода. Выполненные исследовательские процедуры подтвердили на новом отечественном материале выводы, сделанные ранее за рубежом и на заре возрождения отечественной социологии. Интерпретируя полученные результаты, исследователи предположили, что на образовательные решения детей значительно влияют родители, установки детей в отношении образования сформировались под их влиянием: вероятно, более образованные и обеспеченные родители хотели бы, чтобы их дети продолжили обучение в школе (даже в тех случаях, когда академические успехи детей не вполне адекватны такому варианту решения), а менее образованные и успешные в материальном отношении родители могут проявлять меньшую заботу относительно образовательной траектории детей и такого рода обеспечения их социальной мобильности [Бессуднов, Малик, 2016].

В другом исследовании на нескольких кейсах было убедительно показано разнообразное влияние территориального барьера и его связь с социокультурным. Воздействие социально-экономического статуса прослеживалось на селе, в малом городе и в мегаполисе. Методы исследования позволили установить связь между жилищной сегрегацией и пространственным расположением школ, с одной стороны, и особенностями того, как складывается контингент учащихся. Удалось расширить представления о совокупном влиянии социокультурного и территориального барьеров, уловить нюансы их проявления. В частности, исследователи заключили, что в большом городе отдачу, понимаемую как образовательные успехи детей, приносит любой образовательный уровень родителей, в малом городе — высшее и среднее профессиональное образование, а в сельском районе академические успехи выше у тех, чьи матери имеют вузовский диплом [Образование и социальная..., 2018].

Практика преодоления

В исследовании доступности общего образования, как отмечено выше, фиксировалась значительная дифференцированность школ [Доступность..., 2006: 39–50]. С одной стороны, выделялись «сильные» школы. Они имели значительные ресурсы: повышенный статус (например, лицей, гимназия), специализацию (углублённое изучение отдельных предметов, например, физики, химии, иностранного языка), большую долю учителей высшей категории. Учащиеся этих школ показывали преимущественно высокие академические результаты и, как правило, поступали в вузы. С другой стороны, определилась совокупность «слабых» школ, не имевших ни повышенного статуса, ни специализации, не имевших возможности предъявить родителям большого количества учителей высшей категории, не располагавших какими-либо другими привлекательными ресурсами. Академические результаты в этих школах были по большей части далеко не блестящими, а выпускники чаще поступали в образовательные организации среднего профессионального образования, нежели в вузы. Третья группа – школы, которые не имели таких ресурсов, как первые, но и не были вовсе обделены ими, как вторые. Отсутствие явных преимуществ не мешало им обычно показывать хорошие результаты по успехам учащихся, – не лучшие, как у первой группы, но выше, чем у второй. Так сложилась «срединная» группа как по ресурсам, так и по результатам.

Эта понятная логика нарушалась наличием исключений. Не вызывало удивления, что выявились школы, располагавшие значительными ресурсами (что свойственно «сильным»), но показывающие результаты не столь высокие, каких следовало бы при таких ресурсах ожидать. А вот когда обнаружился кластер школ с ресурсами школ «срединной» группы, но добывающих отличных результатов (подобно группе «сильных» школ), и к тому же кластер школ с малыми ресурсами (в том числе сельских), однако с хорошими результатами (как у школ «срединной» группы), – тогда потребовалась дополнительная интерпретация. Результаты в этих школах определённо достигались не за счёт явных преимуществ в ресурсах. Было выдвинуто вполне обоснованное предположение, что эти достижения оказывались результатом направленной деятельности коллектива учителей и дирекции, которые, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, преодолевая их, добивались таких результатов. Вероятно, именно усилия учителей и дирекции становились (в отсутствие явных преимуществ) ценным ресурсом, позволявшим этим школам достигать большего эффекта. Напрашивался вывод о целесообразности специального изучения таких школ.

Такое исследование много позднее было предпринято (независимо от пожелания исследователей доступности). В нём рассмотрено несколько кейсов городских и сельских школ, работающих в неблагоприятных условиях [Поверх барьеров..., 2019]. Это школы, ресурсы которых – финансовые, кадровые – весьма и весьма ограничены, а контингент учащихся – зачастую дети из малообеспеченных и неполных семей, нередко тех, что отнесены к категории «социального риска», дети

родителей с невысоким уровнем образования, в том числе обучающиеся по коррекционным программам, с нарушениями поведения (и потому находящиеся на различных видах учёта). Окружением может быть сельская местность, не дающая оснований считать её процветающей, или неблагополучный городской район.

Тем не менее коллектив школы не сдаётся, не смиряется со сложившейся репутацией школы, со стигмой места для наиболее сложных и бесперспективных учеников. Активно действует, выстраивая целенаправленные стратегии. В значительной части это вполне очевидные меры педагогического характера: эффективное преподавание, дополнительные занятия (как с успешными учащимися, так и с отстающими), профессиональное развитие учителей и т. п. Но предпринимается не только это. Сложные социальные условия требуют ответа в виде мер социальной направленности, таких, которые по праву следует отнести к социальной практике.

Наиболее важными в этом плане представляются стратегии, направленные на формирование мотивации всех участников образовательного процесса. Педагогический коллектив и дирекция школы задают высокую планку ожиданий в отношении академических успехов учащихся. Прежде всего, своих ожиданий. Работа с родителями ведётся так, чтобы и у них формировались высокие ожидания, создавался запрос на образование; у всех, включая отцов и матерей с низким социальным статусом. Это в совокупности с усилиями учителей стимулирует учащихся. Так школа создаёт направление движения к высоким достижениям своих питомцев. Образовательные планы школьников растут, их представления об образовательной и профессиональной карьере, о возможностях социальной мобильности расширяются. По существу, происходит не только формирование мотивации в отношении образования, но в целом изменение ориентаций, связанных с жизненным путём.

Не только родители учеников, но и, по возможности, всё социальное окружение втягивается в жизнь школы (наиболее яркий пример включённости окружающего сообщества – в якутском посёлке). Участвуют старшие и младшие, все поколения. Взаимодействие с сообществом, с другими организациями и учреждениями даёт результаты, и это не только привлечение дополнительных ресурсов. Создаётся новый, позитивный образ школы. Социальные и педагогические меры соединяются: в первый класс принимают всех детей, без отбора таких, которые будут получать хорошие отметки, для этого готовят к школе детей из семей, которые не готовы сделать это сами; нет селекции (для получения высоких баллов по ЕГЭ) и при переходе в старшие классы, но предварительно работают с учащимися. Это производит положительный эффект, который не может не найти отклика в окружении школы.

В итоге малоресурсная, с неблагополучным контингентом школа показывает высокие результаты. Академические успехи в ней лучше тех, что можно ожидать, учитывая социальный контекст, а то и на уровне престижных школ региона. Нет прежнего оттока по причинам низкой успеваемости, незаинтересованности в учёбе, отсутствия у родителей запроса на образование. Учащиеся не только получают качественные знания в школе: у них появляются возможности перейти на более высокие уровни образования.

Заключение

Всё это не означает, что сферу образования можно оставить без ресурсной поддержки: вот же она справляется. (Бывает, кстати, что именно неуспешная школа не получает помощи, она достаётся школам, которыми регион гордится). Означает это другое.

Приведённые материалы исследований не позволяют сделать вывод ни о вечности и непреступности барьеров в сфере образования, ни о границах преодоления их. Однако ясны существенность барьеров и важность их восприятия. Восприятия как собственно неравенства, так и вероятности понижения высоты того или иного барьера, включая оценку собственных возможностей для этой цели. Это определяет выбор варианта социального поведения.

Со стороны акторов образования, являются ли они учащимися, родителями, педагогами, администраторами, другими участниками образовательного процесса, непосредственными или нет, возможна различная реакция на барьеры. Это может быть пассивное принятие ситуации или упование на патерналистскую поддержку, а может быть активная деятельность. Активность проявляет себя как мощный ресурс, который способен повышать потенциал образовательной организации и помогать в преодолении барьеров не менее эффективно, чем способны это сделать другие виды ресурсов. У семей нет ресурсов для преодоления барьеров — школы предоставляют им необходимый ресурс в виде активности своего коллектива.

Нет данных, позволяющих утверждать, что такой опыт широко распространён или неизменно успешен. Не следует надеяться, что таким образом могут быть побеждены любые барьеры, притом полностью и легко. Но является фактом, что здесь открывается возможность для достижения цели, значимость которой — это главное в уроках, которые следует извлечь из опыта таких школ — неизмеримо больше тривиальной задачи улучшения образовательных результатов. Эта цель — повышение жизненных шансов всех, кто делает первые шаги в своей биографии, с какой бы стартовой позиции в сложном мире она ни начиналась.

Список литературы

Бессуднов А. Р., Малик В. М. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135–167. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-135-167

Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения / Д. Л. Константиновский, В. С. Вахштайн [и др.]. М.: Логос, 2006. 208 с.

Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта молодёжи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 552 с.

Образование и социальная дифференциация. Колл. моногр. / Д. А. Александров, И. В. Антипкина [и др.]; отв. ред. М. Карной, И. Д. Фрумин, Н. Н. Кармаева. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 454 с.

Поверх барьеров: истории школ, работающих в сложных социальных условиях. Книга для школьных администраторов и для тех, кто управляет школами на муниципальном и региональном уровнях / сост. М. А. Пинская [и др.]. М.: Рыбаков фонд, 2019. 192 с.

Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М.: Наука, 1978. 272 с.

Шубкин В. Н. Социологические опыты. (Методологические вопросы социальных исследований). М.: Мысль, 1970. 288 с.

Coleman J. S., Campbell E. Q., Hobson C. J., MacPartland J., Mood A. M., Weinfeld F. D., York R. Equality of Educational Opportunity. Washington, DC: US Government Printing Office, 1966. 548 pp.

Дата поступления в редакцию: 19.06.2020. Принята к печати: 10.08.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Константиновский Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: scan21@mail.ru
AuthorID РИНЦ: 77331

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7491

Overcoming Barriers to Education: Research and Social Practice

David L. Konstantinovskiy¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218

For citation: Konstantinovskiy D. L. (2020). Overcoming Barriers to Education: Research and Social Practice. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 8. № 3. P. 125–133. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7491

Abstract. The paper discusses the socio-cultural, economic, territorial, and other barriers in the educational sphere and the possibilities of overcoming them. The first part presents the results of research carried out on national empirical data from the 1960s to the present. The significant impact of barriers on the formation of educational and professional careers of young people is shown. It is noted that overcoming barriers becomes possible if the family has the resources to get over them; otherwise, children are forced to adjust their intentions by lowering their demands for education. The second part of the article analyzes the experience of several low-resource schools with students from low-status families. That schools undertake targeted efforts to help students overcome barriers. The teachers and management of these schools use special strategies for their work. Pedagogical measures are a significant part of these strategies; however, complex social conditions require a response by means of social measures. The most important is the formation of the motivation of all participants in the educational process. As a result of the school's efforts, academic performance is improved, students' intentions for further education are growing, their understanding of educational and professional careers, on the possibilities of social mobility are expanding. Changing orientations associated with building a life path is taking place.

Examination of the experience of the social practice of these schools makes it possible to conclude: their activity manifests itself as a powerful resource that schools provides to families when they do not have the opportunity to overcome barriers. This resource can increase not only the potential of the educational organization but also the life chances of students, helping them no less effective than other types of resources are able to do it.

Keywords: education, youth, barriers, educational and professional career.

REFERENCES

Bessudnov A. R., Malik V. M. (2016). Sotsial'no-ekonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybere obrazovatel'noj traektorii posle okonchaniya 9-go klassa srednej shkoly. [Socio-economic and gender inequality in the choice of educational trajectory after the end of the 9th grade of secondary school]. *Voprosy obrazovaniya*. № 1. P. 135–167. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-135-167

Dostupnost' kachestvennogo obshchego obrazovaniya: vozmozhnosti i ogranicheniya. (2006). [Access to quality General education: opportunities and limitations]. M.: Logos publ. 208 p. (In Russ.).

Konstantinovskij D. L. (2008). *Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sotsiologicheskikh issledovanij zhiznennogo starta molodezhi (1960-e gody – nachalo 2000-kh)*. [Inequality and education. Experience of sociological research on the life start of young people (1960 – early 2000s)]. M.: TSSP publ. 552 p. (In Russ.).

Obrazovanie i sotsial'naya differentsiatsiya. (2018). [Education and social differentiation.]. Ed. by M. Karnoj, I. D. Frumin, N. N. Karmaeva. Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. 454 p. (In Russ.).

Poverkh bar'erov: istorii shkol, rabotayuschikh v slozhnykh sotsial'nykh usloviyakh. Kniga dlya shkol'nykh administratorov i dlya tekh, kto upravlyaet shkolami na munitsipal'nom i regional'nom urovnyakh. (2019). [Over the barriers: stories of schools working in difficult social conditions. A book for school administrators and those who manage schools at the municipal and regional levels]. M.: Rybakov fond publ. 192 p. (In Russ.).

Rutkevich M. N., Filippov F. R. (1978). *Vysshaya shkola kak faktor izmeneniya sotsial'noj struktury razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva*. [Higher education as a factor in changing the social structure of a developed socialist society]. M.: Nauka publ. 272 p. (In Russ.).

Shubkin V. N. (1970). *Sotsiologicheskie opyty. (Metodologicheskie voprosy sotsial'nykh issledovanij)*. [Sociological experiments. (Methodological issues of social research).]. M.: Mysl' publ. 288 p. (In Russ.).

Coleman J. S., Campbell E. Q., Hobson C. J., MacPartland J., Mood A. M., Weinfeld F. D., York R. *Equality of Educational Opportunity*. Washington, DC: US Government Printing Office, 1966. 548 p.

The article was submitted on June 19, 2020. Accepted on August 10, 2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantinovskiy David L'vovich – Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: scan21@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3316-0644

ResearcherID: B-5176-2016

Scopus Author ID: 6506500177